

**Деятельность избирательной комиссии республики Калмыкия
по повышению правовой и политической культуры
молодых избирателей**

Е.А. Гунаев

г. Элиста, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Повышение правовой и политической культуры российских избирателей – важная составная часть работы избирательных комиссий субъектов Российской Федерации. Результативность выборов любого уровня, качество состава избираемых органов напрямую зависит, в том числе, от уровня правовой и политической культуры избирателей [1]. Данная работа в большей степени ориентирована на молодежь, так как она представляет собой важнейший социальный и электоральный ресурс общества [2]. Основными целями выступают преодоление абсентеизма, политической пассивности, повышение электоральной активности молодежи.

В Республике Калмыкия осуществляется определенная работа в данном направлении. При Избирательной комиссии Республики Калмыкия создана и действует Молодежная избирательная комиссия Республики Калмыкия (Молодежная избирательная комиссия). Она создана с целью содействия Избирательной комиссии Республики Калмыкия в ее деятельности по повышению правовой и политической культуры молодых избирателей, формированию кадрового резерва избирательных комиссий Республики Калмыкия. Молодежная избирательная комиссия является постоянно действующим со-

вещательным и консультативным органом и осуществляет свою деятельность на общественных началах.

Молодежная избирательная комиссия обеспечивает взаимодействие молодежи и молодежных общественных объединений с Избирательной комиссией Республики Калмыкия; осуществляет регулярный мониторинг и анализ электоральной активности молодежи; по поручению Избирательной комиссии Республики Калмыкия вырабатывает рекомендации, готовит предложения и непосредственно участвует в реализации мероприятий по повышению правовой и политической культуры молодых избирателей; организует конференции, «круглые столы» и участвует в мероприятиях, проводимых Избирательной комиссией Республики Калмыкия; вносит предложения в Избирательную комиссию Республики Калмыкия по вопросам, входящим в компетенцию Избирательной комиссии Республики Калмыкия и др. [3].

Деятельность избирательных комиссий в данном направлении носит вспомогательный, дополнительный характер. Основная нагрузка лежит на учреждениях образования и культуры, а также органах по делам молодежи [1].

Литература

1. Мостовщиков В.Д. Роль избирательных комиссий и средств массовой информации в формировании правовой культуры избирателей. М., 2006.
2. Полищук И.А. Актуальные вопросы развития правовой и политической культуры молодежи // Молодежь России и гражданское общество XXI века: Сборник статей по материалам заочной всероссийской научно-практической конференции / Под ред. О.А. Копцевой. М., 2009.
3. <http://kalmyk.izbirkom.ru>.

**К вопросу о правовой культуре чувашского крестьянства
во второй половине XIX – начале XX в.[□]**

Д.В. Егоров

*г. Чебоксары, Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова*

Исследование и научная интерпретация правовой культуры этносов позволяют раскрыть глубинные механизмы этнокультурных процессов, выявить пути становления правоотношений, юстиции, юридических учреждений, наиболее оптимальных для современного российского общества.

Во второй половине XIX – начале XX в. чувашское крестьянство сохранило многовековые традиции и обычаи, выработало особое правосознание и ценностные ориентации, что, безусловно, способствовало консервации архаизма общественно-семейного быта и углублению коллизий между народным и позитивным правом.

Эталонной традиционной соционормативной культуры чувашского народа, поведенческим императивом являлись обычаи, которые стойко функционировали в сфере семейных, имущественных, судебных, хозяйственных, религиозных и бытовых отношений. Даже государственные органы считались и руководствовались ими при вынесении решений.

В силу народного скепсиса к официальному правосудию, географической, конфессиональной, социальной и культурно-нравственной специфики региона, в чувашской крестьянской юстиции действовали особые общинные суды: суд старосты, стариков, сельского схода, самосуд и семейный совет. Они были ориентированы, в первую очередь, на достижение примирения и компромисса между крестьянами в возникавших между ними коллизиях [1].

[□] Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 11-11-21011а/В

Мировой сделкой порой заканчивались даже такие уголовно наказуемые преступления, как изнасилование, кража и оскорбление должностных лиц [2].

Главными мотивами обращения народа к неофициальным судебным инстанциям явились примирительная деятельность общинных судов, решение дел по справедливости, назначение строгого, но эффективного наказания, кратчайшие сроки судопроизводства, минимальные финансовые затраты и урегулирование различных вопросов на основании норм обычного права.

Несоблюдение обычая, согласно крестьянским воззрениям, могло привести к различным стихийным бедствиям, пожарам, эпизоотии, болезням или смерти человека и его близких. Поэтому чувашаи часто прибегали к магическим и очистительным ритуалам, искупительному жертвоприношению в честь разгневанного божества или духа. В чрезвычайных ситуациях, общественных несчастиях преступниками становились именно нарушители суеверных обрядов и обычаев [3].

Несовершенство и несправедливость законов, малограмотность крестьянства, коррумпированность чиновников, специфические этнические воззрения на преступные деяния как на грех, нарушение моральной нормы и личную обиду, а также их квалификация лишь с точки зрения причиненного ущерба в незначительной степени способствовали развитию и укреплению правового нигилизма в крестьянской среде.

В чувашской дореволюционной деревне функционировал правовой дуализм, представленный позитивным и обычным правом. Однако крестьяне стремились расширить прерогативы обычно-правовых норм. Неписанный обычай, подкрепленный народной верой в сверхъестественные силы, являлся квинтэссенцией крестьянского сообщества.

Литература

1. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Фонд Н.В. Никольского. Отд. I. Ед. хр. 177.
2. НА ЧГИГН. Фонд В.К. Магницкого. Отд. I. Ед. хр. 517. Л. 393.
3. НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Отд. I. Ед. хр. 215.

Коллизионные нормы – один из способов совершенствования законодательства

Е.В. Золотникова

г. Екатеринбург, Гуманитарный университет

В настоящее время совершенствование законодательства Российской Федерации является одним из направлений государственной политики: приняты нормативные правовые акты об осуществлении правового мониторинга в Российской Федерации – Указ Президента РФ от 20.05.2011 г. №657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [1] и Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 г. №694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» [2].

«Состояние законодательства, его совершенство по содержанию и форме» [3, с. 149] является одним из элементов правовой культуры. «Правовая культура принадлежит к духовной культуре общества, имеющей прикладную, практическую направленность... Наиболее важная черта правовой культуры состоит в том, что она реально выражает социальную ценность права, развивающийся правовой прогресс» [3, с. 151].

Процесс совершенствования законодательства осложняют, в частности, правовые коллизии. «Коллизию правовых норм следует определять как отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения» [4, с. 23].

Один из способов разрешения правовых коллизий – это коллизионные нормы. «Коллизионные предписания – разновидность специализированных норм в праве, имеющих цель сориентировать правоприменителя в выборе одного из нескольких одновременно претендующих на применение юридических правил» [5, с. 141]. «Их роль заключается в установлении дополнительных системосохраняющих связей между нормативными предписаниями» [6, с. 43].

Коллизионные нормы создаются законодателем и закрепляются в нормативных правовых актах. Однако существует несколько проблемных моментов в данной сфере. Во-первых, коллизионных норм в российском законодательстве явно недостаточно. Они закрепляются в кодифицированных нормативных правовых актах, а все иное законодательство содержит редкие примеры таких норм. Во-вторых, многие нормы, претендующие на роль коллизионных, формулируются недостаточно корректно и ясно для осуществления процесса правового регулирования. Часть девятая статьи 5 Трудового кодекса Российской Федерации содержит следующую норму права: «Если вновь принятый федеральный закон противоречит настоящему Кодексу, то этот федеральный закон применяется при условии внесения соответствующих изменений и дополнений в настоящий Кодекс». Данная норма права не устанавливает, каким нормативным правовым актом будут регулироваться общественные отношения до момента внесения изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации. Представляется возможным дополнить вышеуказанную норму права, изложив ее в следующей редакции: «Если вновь принятый федеральный закон противоречит настоящему Кодексу, то этот федеральный закон применяется при условии внесения соответствующих изменений и дополнений в настоящий Кодекс. *До момента внесения соответствующих изменений и дополнений применяется настоящий Кодекс*».

Качественное состояние законодательства определяется отсутствием правовых коллизий, либо существованием таковых, но с одновременным закреплением в законодательстве приемов и способов, в результате применения которых коллизии будут разрешены. Состояние законодательства опосредует уровень правовой культуры общества. Применительно к российскому праву законодатель движется в направлении совершенствования законодательства как на федеральном, так и на региональном уровнях. Для улучшения состояния законодательства представляется возможным именно на стадии принятия нормативных правовых актов учитывать в полной мере предложения научных кругов и ре-

зультаты практики правоприменения, в том числе и в части введения в действующее законодательство коллизионных норм, которые бы формулировали четкие правила преодоления возникающих правовых коллизий.

Литература

1. Указ Президента РФ от 20.05.2011 г. №657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 23.05.2011 г., № 21, ст. 2930; Российская газета, № 110, 25.05.2011.
2. Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 г. №694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // Российская газета, №186, 24.08.2011, «Собрание законодательства РФ», 29.08.2011, № 35, ст. 5081.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008.
4. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984.
5. Аленина И.В. Коллизии в трудовом праве. Омск, 2000.
6. Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского права. Екатеринбург, 2007.

Выстраивание гендерно нейтрального законодательства в странах Евросоюза: родительские отпуска

Е.А. Исаева

г. Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Проблема выстраивания гендерно нейтрального законодательства, в частности, в социально-трудовой сфере, постепенно начинает приобретать позитивные направления практического разрешения в отдельных странах. Работающие родители – категория, чаще всего стоящая перед необходимостью

использования всех предусмотренных нормативными актами гарантий и льгот. Если льготы и гарантии предусмотрены только для матери, то гендерный баланс законодателем явно нарушается, что влияет на исключенность отцов из процесса воспитания детей, абстрагированность их от бытовых семейных проблем, кроме финансовых; выпадение матерей на долгий срок из трудовой сферы, утраты ими профессиональных навыков. Порой современное законодательство демонстрирует примеры, когда отец-одиночка не может воспользоваться гарантиями, которые бы полагались матери, воспитывающей ребенка одной.

Исторически на законодательном уровне матери и отцы были не равны в правах. Ни одна из стран в мире пока не достигла идеальной модели гендерного равенства [1]. Законодательство Евросоюза демонстрирует именно такую модель: нормы, направленные на защиту прав матерей значительно более развиты, нежели нормы, закрепляющие права отцов и охраняющие отцовство. Данные нормы до сих пор занимают второе место [2].

Женский труд требует специальной регламентации только по причине репродуктивной функции. В настоящее время как на уровне Евросоюза, так и на уровне национального законодательства идея о включенности отцов в процесс воспитания детей становится все более популярной, стереотипы медленно начинают отступать, что проявляется, к примеру, в регламентации родительских отпусков. Страны, входящие в Евросоюз, постепенно включают в законодательство специальные положения о правах отцов. Какие-то страны закрепляют самые базовые права, например, Италия. Скандинавские страны пошли намного дальше. В частности, Швеция еще с 80-х гг. XX в. закрепила право отцов в случае рождения ребенка на 10-дневный отпуск, в Норвегии с 1990 г. этот отпуск составляет 2 недели. Образцом «нового» подхода к регулированию можно назвать Финляндию, которая запрещает передачу родителями части отпуска по уходу за ребенком друг другу, что влияет

на вовлечение отцов в процесс воспитания детей. Финляндия предоставляет отцам 4 недели отцовского отпуска со 100-процентной оплатой.

Политика родительских отпусков является действенным рычагом влияния на гендерные стереотипы, существующие в обществе. Грамотная политика законодателя по распределению времени отпуска по уходу за ребенком между родителями даст возможность исключить женщину из категории единственного привилегированного субъекта в трудовом законодательстве, чьи гарантии и льготы пугают потенциального работодателя при трудоустройстве. Возможность женщины самостоятельно распоряжаться временем декретного отпуска, возможность сократить родовую часть отпуска, увеличив послеродовую, право передать оплачиваемую часть послеродового отпуска отцу ребенка положительным образом повлияла бы на слом негативных для развития общества стереотипов, выталкивающих женщину с рынка труда, а мужчину – отстраняющих от процесса воспитания ребенка.

Литература

1. Kalin W. The law of international human rights protection. Oxford university press. 2010.
2. Caracciolo di Torella E., Masselot A. Reconciling work and family life in EU law and policy. Palgrave Macmillan. 2010.
3. Mooney Cotter A.-M. Pregnant Pause. An international legal analysis of maternity discrimination. Ashgate. 2010.

Принцип добросовестности в праве

Я.А. Курс

*г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Предметом настоящего исследования выбрана категория добросовестности в праве, тема одна из интереснейших, но, к сожалению, недостаточно изучена в современной цивилистике. Вопрос правовой сути добросовестности все еще остается спорным.

Еще в римском праве принцип добросовестности очень обширно был применен. Должностные лица «римские преторы», наделенные судебной властью, должны были разрешать спорные ситуации, которые выходили за рамки архаичного гражданского (квиритского права), все решения принимались, руководствуясь принципом «доброй совести». Как и другие принципы римского права и нормы он был заимствован современным гражданским правом. Немецкое обязательственное право оперирует таким понятием как «*Treu und Glauben*» (добрая совесть, вера и доверие). А итальянскому и французскому праву известен принцип «*buona fede*» и «*bonne foi*». В торговый оборот был введен термин «*good faith*» (добросовестность) государствами общей системы права. В Гражданском кодексе Российской Федерации закреплена презумпция добросовестности.

Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет презумпцию разумности действий и добросовестности участников гражданских правоотношений в случаях, соответственно, если закон ставит защиту гражданских прав в подвластность оттого что осуществлялись ли данные права добросовестно, разумно. Кроме того разумность, добросовестность и справедливость отождествляются в качестве требований в соразмерность, с которыми применяется аналогия права при наличии пробела в гражданском законодательстве. Исходя из этого, следует, что все участники гражданско-правовых отношений при исполнении ими своих прав и осуществлении обязанностей должны всегда и заранее действовать разумно и добросовестно. «Добросовестность – принцип гражданского права. Поступая недобросовестно, лицо ставит себя вне гражданского права, а значит не вправе рассчитывать на гражданско-правовую и законодательную защиту». [1].

До сегодняшнего дня вывод о добросовестности как о принципе гражданского права был основан на доктринальном толковании гражданского законодательства, поддерживался и поддерживается многими учеными-цивилями [2]. В концепции развития гражданского законодательства предложено ввести данный принцип в качестве одного из наиболее важных и общих принципов гражданского права.

Литература

1. Белов А.А. Добросовестность, разумность и справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8.
2. Грибанов В.П. Принципы осуществления гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.

Проблема определения коррупции в уголовном праве и криминологии

О.А. Плехова

г. Ростов-на-Дону, Ворошиловский филиал Ростовской областной коллегии адвокатов

Коррупция – сложное социальное явление, изучаемое множеством дисциплин: социологией, политологией, философией, уголовно-правовой наукой, криминологией и т.д. Каждая из дисциплин изучает и освещает свою сторону этого сложного явления, и в каждой науке вопрос об определении коррупции является дискуссионным. Нет единого взгляда на определение коррупции и в уголовно-правовой и криминологической науке. Взгляды ученых в юридической литературе можно условно разделить на два подхода: «узкий» и «широкий».

Сторонники «узкого» подхода определяют коррупцию как подкуп, взяточничество. А.И. Долгова определяет коррупцию как «социальное явление, характеризующееся подкупом продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкогрупповых, корпора-

тивных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей». В обоснование своей позиции, автор говорит: «чрезмерно широкое толкование коррупции практически означало объединение под одним термином очень разных по своей криминологической характеристике явлений и хищений, и должностных преступлений, и подкупа и продажи (коррупции в собственном смысле слова). Если говорить о порче, разложении, то применительно к коррупции это не «саморазложение» и порча сама по себе, а разложение, порча одного субъекта другим, «сращение» [1, с. 416]. Аналогичных взглядов придерживаются Н.Ф. Кузнецова, В.В. Астанин, Ю.М. Антонян, Н.А. Лопашенко и другие.

Сторонники более «широкого» определения коррупции считают, что суть коррупции заключается в корыстном злоупотреблении своим служебным положением. Б.В. Волженкин полагает, что коррупция это «социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус, авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [2, с.5]. Аналогичной позиции придерживаются Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров, С.В. Максимов, В.В. Лунеев, Г.К. Мишин, П.А. Кабанов, А.И. Кирпичников и другие.

Зарубежные авторы, в основном, придерживаются «широкой» трактовки определения «коррупции».

На наш взгляд, в определении понятия «коррупция», с точки зрения уголовного права и криминологии, необходимо согласиться с мнением В.В. Лунеева: «Коррупция не сводится к примитивному взяточничеству, особенно в условиях рыночной экономики, свободной торговли и демократии. Лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, традиции перехода политических лидеров и государственных чиновников на должности почетных президентов корпораций и частных фирм, инвестирование коммерческих структур за счет госбюджета, перевод государственного имущества в акционерные общества, использование связей преступных сообществ и т.д. являются завуалированными формами коррупции» [3, с. 100-101].

Тем не менее, давать определение такого сложного социального явления как «коррупция» только с точки зрения уголовного права и криминологии не совсем верно, необходимо учитывать и другие его аспекты изучаемые иными отраслями знаний.

Литература

1. Преступность и реформы в России / Под ред. Проф. А.И. Долговой М., 1998.
2. Волженкин Б.В. Коррупция: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998.
3. Лунее В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Государство и право. 2000. №4.

Ответственность почтовых служащих как гарант в области связи

Н.А. Радионова

г. Екатеринбург, Гуманитарный университет

Почта – средство общения людей как делового, так и бытового уровней. При организации почтового дела на государственном уровне целью создания регулярной почты являлось устранение всякого замедления в устройстве и хождении, сохранении конфиденциальности, развитие сети почтовых учреждений в России.

Работа любого учреждения немислима без главного фактора развития, обеспечивающего непрерывное выполнение основных функций тех или иных учреждений – работников в сфере связи. Во второй половине XIX – начале XX в. служащие почты были люди различного социального происхождения. В документах ГАСО можно встретить дворян и крестьян, мещан и остальных военных и детей священнослужителей [1].

В XIX в. все почтовые чиновники были государственными служащими. В этой сфере уже «традиционными» являются такие проблемы, как умаление ответственности работников почтовой связи за нарушения законодательства в области связи. В сравнении с периодом становления почтового дела в России мы не достигли высот, а наоборот спустились на несколько ступеней ниже предшествующего периода.

Ответственность почтовых чиновников и служащих в XIX в. определялась Уложением о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 г. Глава XI Уложения именовалась: «О нарушении уставов почтовых». Ответственность определялась ст. 1524-1566. Рассмотрим некоторые из видов нарушений и предусмотренных наказаний: Грубое отношение с приходящими на почту, все другие упущения в исправлении обязанностей ст. 1566 Уложения – виновные подвергаются аресту на время от одного до трех дней; или же назначению в сторожа или караульные; Утрата почтальоном по неосторожности чемодана, суммы, тюка с корреспонденциями или посылками, или допущение по нерадению похищения оных разносимых писем или оных пакетов, равно как и утрата почтальоном по неосторожности разносимых писем или оных пакетов ст. 1533 Уложения – назначению в сторожа или караульные вину их; или аресту на время от семи дней до трех месяцев; или и удаление от должности [2].

На сегодняшний день ответственность при осуществлении деятельности в области почтовой связи предусмотрена ФЗ «О почтовой связи» и Правилами почтовой связи, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2005 г. № 221, а при осуществлении телеграфной связи Правилами предоставления услуг телеграфной связи, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 15.04.2005 г. № 222, общим законом для двух видов связи является ФЗ «О связи».

Политика Российского государства была направлена на расширение и усовершенствование деятельности в области связи, ответственность почтовых служащих того времени, была в виде наказаний как имущественных, так и

наказаний с лишением или ограничением свободы и телесных наказаний. Строгая ответственность выступала гарантом выполнения главенствующих принципов в области связи. С течением времени в сфере связи осталась только имущественная ответственность операторов связи (их работников). В отличие от XIX в. работники почтовых отделений не являются государственными служащими. В настоящее время имеет место «смягчение» санкций в области связи, нормы санкции (порядок ответственности) практически не работают. Имеются значительные пробелы в части ответственности операторов связи, которые могут быть восполнены внесением изменений в действующие законодательные акты и ужесточением ответственности, для обеспечения качества предоставляемых услуг связи, отвечающих уровню наиболее развитых стран мира.

Литература

1. Ромашов М. В. Почтовая, телеграфная и телефонная связь в Самарской губернии (1851-1917 гг.) . Самара 2005. ГАСО Ф. 29. Оп.1. Д20.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года, СПб. 1845.
3. Федеральный закон от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Российская газета. № 135. 10.07.2003.
4. Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 176-ФЗ (ред.от 28.06.2009г.) «О почтовой связи» // Российская газета. № 140-141. 22.07.1999.
5. Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2005 г. N 221 «Об утверждении правил оказания услуг почтовой связи» // Российская газета. № 87. 27.04.2005.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 1857 года, СПб. 1857.

Охрана земель по Судебнику 1497 года

Л.М. Рахимова

*г. Магнитогорск, Магнитогорский государственный технический
университет им Г.И. Носова*

Вопросы землепользования в историческом аспекте рассматривались многими учеными, но с точки зрения охраны земли, как объекта окружающей природы, данная проблема является недостаточно изученной. Сегодня важно оглянуться в историческое прошлое, чтобы найти истоки охраны земельных ресурсов. Попытка анализа экологической охраны земли в контексте законодательства конкретной исторической эпохи, а именно Судебника 1497 года, определяет новизну подхода и обуславливает цель.

В статьях 61-63 данного нормативного правового акта, регулирующих земельные отношения, можно, с нашей точки зрения, обнаружить косвенные указания на охрану земли как природного объекта и того что на ней произрастает.

Статья 61 устанавливает необходимость возведения изгородей между граничившими землями во избежание нанесения скотом ущерба посевам. Расходы по установлению изгородей делятся поровну между смежными владельцами, а вот расходы за причинение ущерба возлагаются не на владельца скота, а на того, чья изгородь оказалась неисправной.

Статья 62 Судебника воспроизводит ст. 18 Белозерской [1] и ст. 4 Двинской [1] уставных грамот о наказании за нарушение межевых знаков, а также усиливает земельную охрану, предусматривая ответственность за повреждение или уничтожение межевых знаков и запашку чужой земли.

Судебник 1497 г. берет под особую охрану княжеские земли и вводит новый для данного преступления вид наказания. Если раньше нарушители межи облагались только разного рода штрафами, то согласно статье 62 виновного предписывалось «бити кнутием, да исцу взяты на нем рубль» [1]. Это же преступление, но совершенное крестьянами по отношению друг к

другу, влекло за собой только денежный штраф и возмещение убытков пострадавшей стороне, размер которых устанавливался по принципу «посмотря по человеку и по ране и по рассуждению» [1]. А в статье 63 срок давности по земельным искам определяется как основа для закрепления права на земельные участки. Согласно ей за уничтожение меж, разграничивавших и, следовательно, охранявших право феодальной собственности на землю, виновные наказывались избиением кнутом. Таким образом, мы находим указания на косвенную охрану земли как объекта природы, приоритетной остается защита прав землевладельцев и их собственности

Истоки охраны земельных ресурсов присутствовали еще в нормативных документах прошлого, следовательно, земля как компонент природы, издавна была объектом правового регулирования, использования и охраны. Подтверждением является проанализированный Судебник 1497 года, который регулирует землепользование, вводит принцип защиты прав владельцев и устанавливает ответственность за деяния, которые могут привести к нанесению ущерба землепользованию.

Литература

1. Судебник 1497 года // Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т.2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под общ.ред. О.И.Чистякова. М., 1985.

Особенности деформации правосознания юриста

А.В. Сим

г. Нижний Новгород, Приволжский филиал

ГОУ ВПО Российская академия правосудия

С увеличением общего числа юристов, проблема деформации профессионального правосознания стала приобретать новые масштабы и формы распространения. Данная проблема изучается не так давно (примерно с середины XX в.), и необходимость ее научного исследования, выявления причин возникновения, разработка и внедрение механизмов по их исправлению (ликвидации) – является первостепенной.

Деформация правосознания – негативное искажение идейно-психологической сферы личности или общества, способное причинить вред правовому регулированию общественных отношений и проявляющее себя как в области сознания, так и юридической практики [1]. Деформация правосознания подавляет волевой элемент психики стремления человека к ценностям права. Право теряет статус ценности.

Распространение профессиональной деформации находит место среди юристов-правоприменителей, юристов-ученых, участвующих в законотворческом процессе, хотя уровень правовой культуры последних зачастую выше. Профессиональная деформация следователя может выражаться в равнодушии, властолюбии, а юриста-законодателя – в фундаментальности, ограниченности взглядов, прагматизме. Таким образом, ценность права умаляется теми, кто должен защищать его и обеспечивать авторитет в обществе.

На сегодняшний день представляется возможным выделить следующие разновидности деформации профессионального правосознания юристов:

1. Правовой инфантилизм – форма, заключающаяся в недостаточности правовых знаний, пробельность правосознания, обладает определенной сте-

пенью общественной опасности, так как последствия юридической безграмотности и непрофессионализма могут быть достаточно серьезными.

2. Правовой нигилизм – общее отрицательное, неуважительное отношение к праву, причины – юридическое невежество, отсталость, правовая невоспитанность основной массы населения [2]. Особенность правового нигилизма юристов – оценка права как второстепенного явления в общей шкале человеческих ценностей, как средства обслуживания своих интересов. Отсюда самоуправство, превышение должностных полномочий, использование должностных полномочий с целью карьерного роста и материальной выгоды.

3. Феномен перерождения правосознания – самая тяжелая форма деформации правосознания. Она основана на сознательном отрицании законов по мотивам корысти и алчности. Отличительная черта – проявляется всегда в совершении именно преступных действий [3]. Негативно-правовой радикализм – выражение феномена перерождения правосознания юристов. Наиболее часто проявляется во взяточничестве, сращивании с криминальными структурами, создание крупных конгломератов между органами государственной власти и преступными сообществами.

4. Правовой идеализм – праву придается значение единственного средства решения всех проблем. В основе лежит отсутствие способности объективно оценивать правовую действительность. В «чистом виде» практически не встречается, преимущественно сопутствует либо полной безграмотности, либо фундаментальной политико-правовой позиции в качестве орудия популизма и демагогии. Спекулятивно-правовой популизм выражается в подчеркивании исключительной значимости своего отношения к делу и стремлении укрепить свой социальный и служебный статус. Отсюда – пренебрежение правом ради собственной репутации.

5. Негативно-правовой конформизм. Конформист – это соглашатель и подражатель в осуществлении служебных функций. Отсюда – отсутствие активной позиции и низкий уровень правовой культуры вообще.

Вопрос об искоренении профессиональной деформации правосознания юристов требует отдельного рассмотрения в силу своей специфики. Основные задачи: повысить уровень высшего юридического образования, обеспечить условия поддержания и совершенствования правовой культуры юристов.

Литература

1. Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура: Учебное пособие. // http://window.edu.ru/window_catalog/redirect?id=25644&file=volsu212.pdf.
2. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // <http://faclaw.narod.ru/tgp/tgp15.htm>.
3. Баранов П.П., Русских В.В. Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания: Учебное пособие. // <http://infanata.ifolder.ru/18895441>.